
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

BASIC TRENDS OF CRIMINOLOGY MODERNIZATION

УДК 343.01

DOI [10.17150/2500-4255.2016.10\(3\).419-430](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10(3).419-430)

РЕПРЕССИВНОЕ РЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин

Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

9 мая 2016 г.

Дата принятия в печать

22 июня 2016 г.

Дата онлайн-размещения

30 сентября 2016 г.

Ключевые слова

Уголовный закон; качество уголовного закона; уголовная политика; бессилие власти; уголовно-правовые границы свободы

Аннотация. Беспрецедентная скорость и невысокое качество текущего уголовного законодательства позволяют в качестве одной из вероятных оценок отечественной уголовной политики предположить ее зависимость от сиюминутных желаний власти и ее неспособности решать задачи социального управления силами, не связанными с применением норм уголовного права. Такое обращение с уголовным законом есть особый симптом бессилия власти, имеющего свои причины, проявления и последствия, анализу которых посвящена публикация. Бессилие государства в уголовно-правовом преодолении преступности рассматривается, с одной стороны, как объективная его характеристика, обусловленная вечным характером преступности, паллиативностью уголовного закона и ограниченными возможностями уголовного наказания. С другой стороны, оно может быть рассматриваемо как дефект власти, ее субъективно детерминированная неспособность и нежелание решать социальные проблемы социальными средствами и прикрытие собственного бессилия активностью на ниве уголовного законодательства. Причинами обращения к уголовному закону от бессилия считаются ощущение самой властью слабости собственной легитимности, депрофессионализация властных и управленческих структур на всех уровнях, репрессивные ментальные установки. Проявлением бессильного обращения с уголовным законом в статье признаются масштабная криминализация неопасных и малоопасных деяний, практика конструирования многочисленных специальных норм, неспособность власти оценить реальную опасность криминализированных деяний в санкциях, возврат к прошлым и устаревшим правовым конструкциям, подмена целей наказания. В ряду последствий обращения к уголовному закону от бессилия решить социальные проблемы иными средствами названы сокращение границ свободы в обществе, возникновение страха перед уголовным законом, рост объемов формально преступного поведения.

REPRESSIVE SOLUTIONS OF SOCIAL PROBLEMS: CAUSES AND CONSEQUENCES

Mikhail M. Babaev, Yuriy Ye. Pudovochkin

Russian State University of Justice, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2016 May 9

Accepted

2016 June 22

Available online

2016 September 30

Abstract. The unprecedented pace and low quality of current criminal lawmaking allow us to offer the following possible evaluation of Russian criminal policy: it is dependent on momentary wishes of the authorities and their inability to resolve the problems of social governance through those means which are not connected with the application of criminal law norms. Such treatment of criminal law is a special symptom of the authorities' impotence, which has its causes, manifestations and consequences analyzed in this paper. The impotence of the state in the criminal law suppression of crime is viewed, on the one hand, as its objective characteristic determined by the eternal nature of crime, the palliativity of criminal law and the limited possibilities of criminal punishment. On the other hand, it can be viewed as a defect of the authorities, its subjectively determined absence of ability and desire to solve social problems through social means, when its own impotence is covered by the activity in the sphere of criminal lawmaking. The causes of this impotence-induced turn to criminal law are the authorities' own feelings of their feeble legitimacy, de-profes-

Keywords

Criminal legislation; quality of criminal legislation; criminal policy; government's weakness; criminal law limits of freedom

sionalization of power and governance structures at all levels, a repressive mental attitude. The authors enumerate the following manifestations of impotent treatment of criminal law: large-scale criminalization of no-danger or low-danger actions, the practice of constructing numerous special norms, inability of the authorities to evaluate the real danger of criminalized actions in sanctions, return to the old and obsolete legal constructions, substitution of the punishment's goals. The consequences of this turn to criminal law, caused by inability to solve social problems by other methods, include the shrinking of freedoms in the society, the emergence of fear of criminal law, the growing volume of formally criminal behavior.

Предварительные пояснения. Уголовный закон и уголовное наказание по праву считаются самыми значительными правовыми инструментами, которыми по факту обладает любое государство и которые оно применяет в зависимости от обстоятельств либо с безосновательным размахом, либо разумно. Уголовный закон и его острота — наказание (репрессия) «на своей сцене» выступают не только как концентрат силы, легитимирующей государственную власть, как наглядная иллюстрация ее возможностей, но и одновременно как инструмент насилия, которое используется властью для поддержания установленного порядка и утверждения необходимых политическим элитам перспектив [1; 2]. Репрессия вместе с тем выступает и как источник правовых и социальных конфликтов, неизбежных в случае просчетов в криминализации деяний и (или) неадекватного использования закона. Она же и насильственное средство подавления этих конфликтов [3].

В любом случае пары государство и сила, с одной стороны, и уголовный закон (уголовная репрессия) и сила, с другой стороны, есть феномены, взаимосвязанные и даже взаимообусловленные [4; 5].

Однако там, где есть сила государства и закона, о которой идет речь, к сожалению, с неизбежностью присутствует и ее диалектическая противоположность — слабость и бессилие. Рассмотрим, в каком смысле употребляются эти термины.

Мы называем сильными и государство, и закон, когда эти институты, каждый в пределах своих возможностей, адекватно складывающимся ситуациям активно и эффективно выполняют свое социальное предназначение, свои функции и в доступных пределах удовлетворяют соответствующие запросы общества. Что же касается термина «бессилие» в применении к государству, закону, системе наказаний, то мы рассматриваем его как операциональный инструмент, к тому же всякий раз требующий необходимых комментариев, которые будут даны ниже.

И еще. Феномен бессилия, как и любой иной социальный феномен, произведен не от одного какого-то суперфактора, а от комплекса причин. «Субъектами своей доли ответственности» за его формирование являются органы власти и управления всех уровней, государственные и негосударственные структуры, обслуживающие все сферы жизнедеятельности страны, общественные организации и объединения граждан. Наконец, «субъектами вины» оказываются и отдельные граждане. Между тем в настоящей публикации мы будем говорить о силе и бессилии, о вине и ответственности именно государства. Во-первых, это надо рассматривать как условный прием, используемый в интересах краткости изложения, и вместе с тем как своего рода обобщенный образ, избавляющий от необходимости всякий раз перечислять всех участников процесса. Во-вторых, есть в данном приеме и определенная содержательная основа. Ведь, как известно, государство — это прежде всего социальная сила, управляющая обществом, его глобальная политическая организация, оказывающая самое непосредственное и существенное воздействие на жизнь отдельных граждан и социальных групп.

О бессилии уголовного закона как позитивном симптоме и реакции на него. Начнем с аксиомы: уголовный закон и, естественно, его сердцевина — уголовное наказание далеко не всемогущи [6].

И в теории, и на практике давно доказано, что уголовное наказание изначально в принципе не способно (и в этом смысле бессильно) достигать тех целей, которые ставит перед ним закон в ст. 43 УК РФ [7–10]. Наказание не способно исправить и перевоспитать преступника, не способно в полной мере восстановить социальную справедливость, погасить конфликт, развитие которого привело к совершению преступления, и обеспечить возмещение вреда, причиненного потерпевшему. Общепредупредительная значимость уголовного закона, по единодушному мнению специалистов, также предельно невелика [11; 12].

Наконец, добавим, что применение всей совокупности мер уголовно-правового воздействия само по себе не способно привести к сколько-нибудь заметному снижению общего числа преступлений, совершаемых в обществе, обеспечить достижение приемлемого уровня защищенности граждан от криминальных угроз, и в первую очередь от угроз стать жертвой таких особо опасных, тягчайших посягательств, как терроризм, бандитизм, убийства и т.п.

Подобное бессилие, строго говоря, не может и не должно иметь негативной эмоциональной окраски. По смыслу настоящей статьи, все это надо считать имманентным бессилием закона, бессилием *suī generis*. Это бессилие кары, продуцированное ее органикой: нельзя требовать от инструмента больше, чем он может дать. По сути, это не столько бессилие, сколько объективная ограниченность. Сила уголовного закона лимитируется прежде всего его «природными» рамками, его далеко не безграничными возможностями соответствовать целям и задачам уголовного права, ожиданиям и потребностям общества. Термин «бессилие» здесь применим лишь как результат оценки возможностей уголовного закона и наказания с позиций поставленных перед ними откровенно завышенных целей.

Такое бессилие может быть рассматриваемо с двух сторон: во-первых, как результат неадекватного целеполагания, во-вторых, как итог признания неадекватности средств уголовно-правового воздействия требованиям текущей ситуации.

В связи с этим изменение оценок уголовного закона и наказания может, к примеру, потребовать коррекции целей уголовного права. Надо сказать, что, несмотря на активное обсуждение проблемы целей уголовно-правового регулирования, правовая доктрина, да и общество в целом, не может похвастаться согласованным, консенсуальным представлением о том, какие именно результаты в действительности ожидаются от уголовного права. Не вторгаясь сейчас в большую и интересную область целей и задач уголовного права, заметим лишь, что занижение уровня ожиданий может до некоторой степени смягчить проблему обсуждаемого бессилия нашей отрасли.

Второй вариант решения этой проблемы — коррекция предоставляемых уголовным правом средств и методов общественного регулирования. Бессилие не свидетельствует о бесполезности уголовного наказания вообще, оно

есть подтверждение неадекватности конкретного закона конкретным условиям места и времени его применения, неадекватного использования силы репрессии и (или) недостаточной гибкости в подходе к практике применения мер более гуманного содержания. С этой точки зрения бессилие системы наказания как симптом ее неадекватности и неэффективности служит для разумного государства важным поводом к качественному обновлению уголовного права — для изменения тактики уголовно-правового противодействия преступлениям, для начала масштабной уголовно-правовой реформы либо для реформирования отдельных уголовно-правовых предписаний.

Итак, объективное бессилие наказания — это проблема, непременно требующая надлежащей реакции со стороны государства. Но она, при всей ее теоретической и прикладной значимости, расположена за пределами проблематики, предлагаемой для анализа в настоящей публикации [13].

Однако нельзя не обратить внимание, что реакция современного отечественного государства на данный вид бессилия демонстрирует по большей части его капитулянтскую позицию: сталкиваясь с проблемой несоответствия целей и средств, сил и возможностей наказания, государство не стремится к тому, чтобы пересмотреть цели уголовного права, но вместе с тем и не «подтягивает» средства до уровня высоко заявленных целей. Оно меняет содержание уголовно-правовых средств, руководствуясь соображениями, далеко отстоящими от уголовно-политических, приспособлявая уголовное право к наличным экономическим и организационным возможностям.

В значительном числе случаев более или менее оптимально сформулированные цели уголовного права и адекватное им содержание уголовно-правовых норм оказались неспособными реализовать свой потенциал по причинам, не связанным с качеством самого закона или сознательными стремлениями государства. Отечественная практика содержит достаточно таких примеров: неспособность, по большей части в силу экономических причин, воплотить в реальность модель уголовного наказания в виде ограничения свободы, которая была заложена в первоначальной редакции уголовного закона, привела к коренной трансформации содержания этого вида наказания в 2009 г.; неспособность по тем же причинам воплотить в жизнь

предписания о наказании в виде принудительных работ потребовала отложить момент их вступления в силу до 2017 г.; момент активации наказания в виде ареста был отложен до 2006 г. с последующей разработкой законопроекта об исключении его из лестницы наказаний вовсе¹. Экономические сложности обусловили и бездействие ч. 3 ст. 30 закона РСФСР «О собственности в РСФСР» от 24 декабря 1990 г. № 443-1, которая устанавливала обязанность государства возместить ущерб, нанесенный собственнику преступлением, с последующим взысканием понесенных при этом государством расходов с виновного². В связи с тяжелой экономической ситуацией действие этой нормы приостанавливалось на 1993 и 1994 гг., пока сам закон не утратил силу в связи с вступлением в силу Гражданского кодекса России. Экономические соображения, как представляется, во многом обусловили внедрение в рамки уголовного процесса процедур ускоренного судопроизводства, сокращение возможностей рассмотрения уголовных дел судом присяжных и др.

В данном случае, вероятно, вряд ли будут справедливыми какие-либо уголовно-политические упреки в адрес закона или государства (кроме разве что упрека в слабости или точности прогноза социальной ситуации). Развивающиеся по своим собственным правилам экономические кризисы вносят коррективы в результаты стратегического планирования всех и каждого субъекта общественной жизни. Государство здесь — не исключение. Уголовное право — это затратная правовая отрасль, воплощение его предписаний требует бюджетных ассигнований, причем немалых. В этой связи со-

кращение доходов бюджета и (или) изменение приоритетов бюджетного планирования могут привести к тому, что у государства элементарно не будет хватать средств на реализацию им же намеченного уголовно-политического курса.

Однако в такой ситуации принципиально важно соотнести измененные уголовно-правовые средства с неменяющимися целями, а цели — с изменившимися социальными условиями функционирования отрасли уголовного права. Вопрос же этот, как представляется, не только не обсуждался, но и не был в должной мере поставлен. Явная и сознательная трансформация целей отрасли либо существенные изменения социальной среды функционирования уголовного закона при сохранении или неадекватном реформировании его содержания могут превратить конкретный уголовный закон в бессильное силовое средство в той самой мере, в какой ранее прописанное действенное лекарство может оказаться бессильным и даже опасным при изменении диагноза пациента.

О бессильном государстве. Теперь кратко скажем о том, как следует понимать состояние бессилия государства применительно к последующему изложению заявленной проблемы.

Бессилие — не общая (тотальная) характеристика государства как социально-политического института. Бессилие не характеризует в нашем случае состояние обороноспособности страны, военную или экономическую мощь, стабильность политического режима и прочие значимые ее характеристики. Бессилие в нашем контексте, напомним, — неспособность государства адекватно, профессионально, качественно реагировать на социальную ситуацию, на нужды конкретных людей и общества в целом. Такое бессилие вполне сочетаемо с серьезными успехами в испытании новейших видов военной техники и увеличении национального резервного фонда. В бессильном (в нашем понимании) государстве совершенно не исключены вполне позитивные акции, полезные и правильные шаги в направлении решения тех или иных экономических и политических задач. Но эти частные успехи теряются на фоне крупных просчетов, прежде всего в сфере социальной политики. Такое государство в силу самых разных объективных и (или) субъективных причин не способно или не считает обязательным надлежащим образом заботиться о материальном и бытовом обеспечении населения, о системе образования и здравоохранения, о воспитании

¹ Законопроект № 241727-4 «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации, связанных с исключением положений о наказании в виде ареста» внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ Правительством РФ. В пояснительной записке к проекту закона среди прочего отмечается: «Сохранение ареста в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации потребует неоправданных значительных финансовых расходов. Согласно предварительным расчетам численность осужденных к аресту в Российской Федерации может составить примерно 60–70 тыс. человек в год. Для их размещения необходимо построить в субъектах Российской Федерации не менее 140 арестных домов. Строительство и содержание указанных домов с лимитом наполнения 500 человек обойдется государству в сумму около 75 млрд рублей».

² Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416.

подростающего поколения, о помощи наиболее уязвимым слоям населения, наконец, о противодействии преступности, коррупции и т.п. С учетом конституционных характеристик государства такое его состояние можно назвать «социальным бессилием», неспособностью надлежащим образом реализовать свои социальные обязательства перед обществом и гражданами. Это государство, в котором граждане не чувствуют себя защищенными, перестают уважать власть и доверять ей, а само оно постепенно утрачивает нити управления ключевыми процессами в стране [14; 15].

Наша главная задача в рамках настоящей работы — дать анализ взаимоотношений бессильного государства и уголовного закона. Следует заметить, что с точки зрения соотношения силы и бессилия проблематика связи государства и уголовного закона может быть представлена различным сочетанием исследуемых феноменов: 1) закон как сильное средство в руках сильного государства; 2) он же как бессильное средство в руках сильного государства; 3) закон (наказание) как бессильное средство в руках бессильного государства; 4) он же — активное силовое средство в руках бессильного государства.

Каждое из этих направлений анализа и все они, вместе взятые, насколько мы можем судить, еще не были представлены в отечественной науке в качестве самостоятельного объекта познания. Стремясь со своей стороны восполнить этот пробел, с учетом заявленной темы в последующем изложении мы сосредоточим внимание на том, каким образом бессильное государство обращается с уголовным законом, конструирует и использует его, к каким результатам это приводит.

Обращение к уголовному закону от бессилия. Как известно, сила уголовного закона может оказаться действенной лишь в том случае, когда и если она применяется по назначению, т.е. там и тогда, где и когда именно уголовным законом можно решить проблемы, объективно ему подвластные, при условии, что сам уголовный закон в своем содержании адекватен поставленным перед ним целям.

Если иметь в виду нормальную ситуацию, то уголовный закон как всеобщее и подкрепленное силовыми гарантиями правило должен появляться тогда, когда возникла серьезная, опасная для всего общества проблема и государство начинает решать эту проблему адекватными средствами социальной политики (организа-

онными, экономическими, кадровыми и т.п.). И если при этом какая-то часть неизбежно возникающих здесь противоречий воплощается в общественно опасные действия, тогда и необходима уголовно-правовая реакция на них. В этом случае по факту издания нового закона (своего рода обратная связь) можно без боязни ошибиться судить, какая именно существует социальная проблема и в чем состоит угроза возникновения ее общественно опасных последствий. Так именно и происходило, например, когда вводилось уголовное наказание за компьютерные преступления, за преступления, совершаемые организованными сообществами, и т.п.

Сегодня же попытка рассуждать подобным образом в слишком многих случаях грозит оказаться ошибкой. За примерами далеко ходить не надо. Знакомство с законом об ответственности за оскорбление чувств верующих, если знаешь реальное положение дел, заставит скорее усомниться в профессиональной чести авторов нормы, чем поверить в существование здесь социальной проблемы такого масштаба, которая не может быть решена без уголовной репрессии. Появление уголовно-правового запрета или активное обсуждение в политических кругах необходимости его введения в значительном числе случаев перестает восприниматься в качестве свидетельства острой социальной проблемы, которая, во-первых, реально существует в значительных масштабах, а во-вторых, может быть адекватно решена уголовно-правовыми средствами.

Стремление или отчаянные попытки государства использовать возможности и силу репрессии для решения проблем, находящихся за пределами зоны ответственности уголовного права, либо для достижения несвойственных ему целей могут быть оценены как бессилие, но в данном случае — не как бессилие собственно закона, а как бессилие власти (государства) обеспечить его адекватное, нормальное, грамотное использование, неспособность конструктивно, наилучшим образом решать (и решить) социальную проблему. Именно этот аспект вызывает наибольшую озабоченность [16–18].

Должно быть очевидным: чем мощнее сила, которой обладает государство, тем более ответственным должно быть обращение с ней. Минимизация оснований, масштабов и последствий применения силы, несмотря ни на что выступающая в качестве одного из генеральных направлений развития цивилизации (позволим себе

рассматривать всплеск террористической активности и ответную военную реакцию на него все же как временные флуктуации), диктует необходимость ее естественного продолжения в сфере права вообще и уголовного права в частности. Соответственно, основной принцип обращения государства к уголовному закону и с уголовным наказанием должен предполагать минимально необходимое его использование при достижении максимально возможного эффекта [19].

Между тем анализ текущей российской законодательной и правоприменительной практики показывает, что ожидаемые тенденции проявляют себя крайне противоречиво и непоследовательно. Более того, некоторые обстоятельства современной российской истории свидетельствуют о том, что обращение государства к уголовному праву и с уголовным правом противоречит общей идее минимизации объемов и масштабов насилия в общественных отношениях.

Первым и наиболее зримым проявлением возрастания применения легитимизированного уголовным законом официального насилия может служить частота и скорость, с которой государство обращается к «починке» Уголовного кодекса, особенно при отсутствии для этого объективной потребности и веских оснований. Эта скорость зачастую превосходит ту, с которой в свое время лихой ковбой на Диком Западе выхватывал свой кольт.

Реакция законодателя на происходящее мгновенна и совершенно предсказуема: что бы ни случилось, необходимо немедленно отреагировать на это силами уголовного закона. Появилась пара нетрезвых дебоширов в самолетах — нужно усилить уголовную ответственность за хулиганство³; совершено нападение на врачей скорой помощи — нужна об этом самостоятельная статья в законе⁴; сотрудник службы эвакуации транспорта не должным образом выполнил

свои обязанности — требуется внести изменения в уголовный закон⁵; появилась информация о «демонстративном уклонении от наказания осужденных влиятельных лиц» (дословная фраза из пояснительной записки) — нужно ввести статью об ответственности за подмену осужденного к лишению свободы иным лицом⁶; возникают сложности при управлении многоквартирными домами — требуется уголовная ответственность за фальсификацию решений собственников помещений в многоквартирном доме⁷.

Список предложений можно продолжать, пожалуй, бесконечно. Но и изложенного достаточно, чтобы понять: во-первых, нарастает тенденция соблазнительной подмены сложного (решение реальных проблем, рождаемых жизнью) простым — принятием очередного, а если очень хочется, то и внеочередного уголовного закона; во-вторых, в сознании законодателей все более укрепляется представление, будто его принятие есть не в высшей степени ответственное высказывание государства, затрагивающее интересы огромного числа граждан, а совершенно тривиальное, заурядное событие, не требующее каких-либо особых или хотя бы минимально значимых оснований и поводов. Это — «победа» бюрократической процедуры над действительными потребностями общества.

Такое обращение с Уголовным кодексом выступает не только ярким свидетельством откровенно репрессивной установки действующей власти. Оно, с одной стороны, дает хороший повод к тому, чтобы обсудить вопрос о ее принципиальной способности и готовности решать текущие вопросы социально-экономической жизни средствами, не связанными с применением силы уголовного закона. А с другой стороны, заставляет обратить внимание на качество

³ Законопроект № 544892-5 «О внесении изменений в статью 213 Уголовного кодекса Российской Федерации, в статью 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (в части усиления ответственности за хулиганство)» внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ депутатами Государственной Думы П.В. Крашенинниковым, В.С. Груздевым, А.Г. Назаровым, С.Н. Шишкарёвым, О.Д. Гальцовой, С.Г. Ахметовым.

⁴ Законопроект № 905112-6 «О внесении изменений в главу 16 Уголовного кодекса Российской Федерации» внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ членом Совета Федерации Е.В. Афанасьевой и депутатом Государственной Думы М.А. Щепиным.

⁵ Законопроект № 897424-6 «О внесении изменений в статью 166 Уголовного кодекса Российской Федерации» внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ депутатами Государственной Думы И.В. Лебедевым, Я.Е. Ниловым, А.Н. Свинцовым.

⁶ Законопроект № 878358-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части введения уголовной ответственности при подмене лица, осужденного к отбыванию наказания, другим лицом» внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ депутатами Государственной Думы И.В. Лебедевым, Я.Е. Ниловым, А.Н. Свинцовым.

⁷ Законопроект № 827777-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ Законодательным Собранием Новосибирской области.

самого уголовного закона, который в таких условиях предлагается обществу и используется властью. В контексте заявленной проблематики связи уголовного закона и бессилия власти это позволяет различать:

– бессилие государства решить социальные, экономические и иные проблемы средствами, не связанными с созданием и применением уголовного закона (уголовный закон как средство от социального бессилия);

– бессилие государства создать нормальный, эффективный уголовный закон (уголовный закон как свидетельство правового бессилия).

Эти аспекты взаимосвязаны и взаимообусловлены: неспособность решить социально-экономические проблемы неуголовно-правовыми средствами усугубляется неспособностью сконструировать и применить сами уголовно-правовые средства; бессильная без уголовного закона власть бессильна создать сильный уголовный закон, что подрывает силу самой власти.

Представляется, что многое (ответственно не будем говорить, что всё) в российской уголовной политике свидетельствует о том, что силовые потенции уголовного закона используются государством для прикрытия его неспособности адекватно и эффективно ответить на актуальные вызовы современности и решить насущные проблемы социальной, экономической и т.д. жизни, а обращение к закону представляется как своего рода способ спрятаться за щит имитационной активности и избежать реальной ответственности за положение дел в стране. «Скорострельное», а потому неизбежно неубедительное уголовное законотворчество скорее подчеркивает бессилие государства добиться необходимого результата, нежели убеждает в его способности решить ту или иную социальную проблему.

Опасность такой ситуации должна быть очевидной, а ее социальные последствия — прогнозируемы. Уголовно-правовое реагирование на любую проблему предлагается обществу, во-первых, едва ли не в качестве единственного, а во-вторых, в качестве достаточного. Однако предлагаемая обществу репрессия в принципе не может оказаться эффективной (результативной), не может достигнуть декларируемой цели. Дело в том, что энергия уголовного запрета, обращенная к обществу, и социальное напряжение, вызванное той или иной проблемой, лежат в разных плоскостях. Соприкосновение, дающее искомый результат, можно считать редкостью, если не исключением.

К тому же (и это особенно важно) уголовно-правовая репрессия никогда не была и не претендовала быть самостоятельным средством решения социально-политических проблем [20; 21]. Генерализировать эту ее роль, безмерно расширять круг присущих ей функций и возможностей — значит оставаться в плену своих напрасных иллюзий. Неизменный удел уголовного наказания и уголовного права в целом — субсидиарная роль в процессах реализации мероприятий социальной (в широком ее понимании) политики. Навязывая же репрессии роль главного избавителя от негативных проблем, беспокоящих общество, государство тем самым делает все необходимое, чтобы явная социальная болезнь трансформировалась в латентную с еще более тяжелыми патологическими последствиями.

По верному, ставшему классическим высказыванию Н.А. Бердяева, задача государства не в том, чтобы превратить земную жизнь в рай, а в том, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад. В менее изящной форме эту мысль можно выразить и так: не количество возникающих в жизни общества проблем, а накопление нерешенных и нерешаемых проблем способно сделать ее адом. Так и происходит, если государство в силу каких бы то ни было причин не следует своему предназначению или если оно бессильно делать это полноценно.

Отсутствие или неспособность найти эффективные решения социальных проблем в совокупности с попыткой решить их не приспособленными для этого средствами уголовного закона приводят к росту социального недовольства и напряжения, его аккумуляции. В ситуации нарастания массы нерешенных и нерешаемых проблем и их остроты значительно увеличивается пространство вакуума решения, оно же — пространство опасного социального напряжения. Логично ожидать, что этот вакуум будет заполнен реальными усилиями реально решать ситуацию, хотя она наверняка и сложна, и затратна. Но вместо этого появляется новый уголовный закон, который используется как бочка масла, вылитая на крутые волны. Этот очевидный суррогат активности, видимо, хорош для самоуспокоения законодателя, но в конечном счете негоден для надежного успокоения волн, возбудитель которых — социальная непогода.

Более того, растущая социальная напряженность провоцирует возникновение в уголовной политике опасной тенденции использовать

уголовный закон даже не для паллиативного решения насущных проблем, а для того, чтобы с устрашающими намерениями воздействовать на тех, кто проявляет недовольство социальной ситуацией. В этом случае не только не решается сама проблема, но и создается психологически труднопреодолимый барьер для ее публичного обсуждения [22].

О причинах активного обращения бессильного государства к силе уголовного закона. В ряду причин, обуславливающих стремление государства максимально использовать уголовный закон для прикрытия собственного социального бессилия, следует назвать:

1. Ощущение властью слабости собственной легитимности, осознание неустойчивости позиций в качестве управляющей силы, пользующейся доверием и авторитетом у населения страны, а также уважением и признанием международного сообщества, что заставляет применять уголовный закон не только для поддержания и защиты властных интересов, но порой и просто для упреждающей демонстрации возможностей по принципу: если уголовный закон есть единственная легальная сила в обществе, то и распоряжающееся этой силой государство есть единственный легитимный суверен. Уголовный закон используется как щит, как защита власти, когда она испытывает чувство неуверенности в своей стабильности, устойчивости, в поддержке масс. В данном случае закон — защита бессильных от силы потенциального или реального социального протеста.

2. Неумение или неспособность использовать имеющиеся экономические, организационные, интеллектуальные и другие возможности для решения социально-экономических, криминологических и прочих задач общественной жизни иными, не связанными с применением репрессии методами. Наблюдаемая сегодня практически повсеместно депрофессионализация не обходит стороной и властные структуры, способности которых видеть криминогенную проблему всесторонне, моделировать варианты ее решения, прогнозировать результаты и нести за них ответственность крайне скудны [8]. В таких условиях самый простой и единственно доступный вариант решения любой проблемы — установление запрета и возложение ответственности за текущие проблемы на само население, эти запреты не соблюдающее.

3. Репрессивные ментальные установки, причем не только властей предрекающих, но и

значительной части населения страны. Требование запрета выступает едва ли не природной реакцией на все: дети отравились в детском саду запрещенными препаратами — запретить приносить с собой из дома что бы то ни было, да еще досматривать детей после прогулки; американские усыновители применили насилие к усыновленному ребенку из России — запретить американцам усыновлять наших детей; Европейский суд по правам человека не согласился с решением Конституционного Суда России — выйти из Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и т.д. Создается устойчивое ощущение, что общество не видит и не желает (или не может) видеть каких-либо иных путей и средств разрешения объективно существующих проблем. Вероятно, сказывается отсутствие в стране устойчивых демократических традиций и того, что можно было бы назвать культурой свободы. Именно запрет позиционируется в качестве «лучшего регулятора» процессов жизнеобеспечения. Что же касается защищенности граждан, общества и государства от криминальных угроз, то тут репрессивное мышление способно рождать, как правило, лишь воплощенные в форму закона все более и более жесткие криминоборческие утопии и веру их авторов в то, что «так победим» (В.И. Ленин).

Отмеченные обстоятельства, вероятно, не исчерпывают всего содержания детерминирующего комплекса ситуации использования уголовного закона от бессилия. Но они во многом определяют отношение к нему со стороны власти. Именно ее бессилие порождает страх и неуверенность, средством преодоления которых становится сила и силовое подавление любых отступлений от социальных стандартов и властных императивов. Поистине: сила — удел слабых. Но оправданная сама по себе, в неумелых руках сила уголовного закона становится неоправданным злом, а сам закон превращается в источник насилия и социальной напряженности.

О внешних формах бессильного обращения с уголовным законом. Теперь о проявлениях использования уголовного закона бессильным государством. В их ряду наиболее заметными выступают следующие действия:

1. Дефектная криминализация общественно опасных деяний. Ее пороки состоят, во-первых, в криминализации малейших отступлений от стандартной линии поведения, а самое опасное — формирование самой линии поведения средствами уголовного запрета. При этом бес-

силе власти проявляется не только в желании обезопасить себя от малейшего «инакомыслия» и «инакоповедения», но и в ее неспособности четко артикулировать правовые требования к поведению граждан, не говоря уже о неспособности оформить запрет с точки зрения юридической техники. И в этом второй порок криминализации, непосредственно связанный с низким профессиональным уровнем законодотворцев.

Приведем только один пример: законопроект, позиционируемый как проект закона о внесении изменений в существующую статью 275 УК РФ, фактически предлагающий ввести в закон новую статью, не определяя ее названия. Вот дословная цитата из текста законопроекта: «Статью 275 Уголовного кодекса Российской Федерации (в редакции Уголовного кодекса Российской Федерации от 3.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 16.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2015) дополнить статьей 275.1 следующего содержания: «Действие или бездействие, направленное к подрыву промышленности, транспорта, сельского хозяйства, денежной системы, торговли или иных отраслей народного хозяйства, а равно деятельности государственных органов или общественных организаций с целью ослабления государства, если это деяние совершено путем использования государственных или общественных предприятий, учреждений, организаций либо путем противодействия их нормальной работе, — наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества»⁸. Что хочет карать субъект права законодательной инициативы пятнадцать (!) годами лишения свободы с безусловной конфискацией: любое бездействие по противодействию, направленное к подрыву деятельности? Комментарии, как представляется, излишни.

2. С позиций бессилия может быть рассмотрена и практика конструирования многочисленных специальных норм и примечаний к статьям УК РФ. Будучи неспособным сформулировать общую норму, интерпретировать ее должным образом и применить к тому или иному необходимому частному случаю, государство, с одной стороны, вольно или невольно ориентируется

на низкий уровень правовых знаний правоприменителя, предоставляя ему вместо закона подробную инструкцию по делопроизводству на каждый случай, а с другой стороны, демонстрирует собственную неспособность видеть частную правовую проблему в глобальном свете и соотносить ее решение с известными образцами.

3. Бессилие власти усматривается и в ее неспособности взять на себя ответственность за адекватную (или неадекватную) оценку характера и степени общественной опасности предполагаемых к криминализации и криминализированных деяний. Показателен в этом отношении закон, лишивший санкции многих статей УК РФ нижнего предела наказания в виде лишения свободы. С позиций рассматриваемых проблем он может быть оценен однозначно: государство, криминализировавшее многое, не может определить, насколько это «многое» реально опасно, а потому, дабы не утруждать себя сопоставительным анализом санкций существующих статей, оно переложило решение этой важнейшей уголовно-политической задачи на плечи судейского корпуса, дополнительно наделив его возможностями применять положения ст. 64 УК РФ о назначении наказания ниже низшего предела, ч. 6 ст. 15 УК РФ об изменении в сторону снижения категории совершенного преступления и ч. 2 ст. 14 УК РФ о возможности признания совершенного общественно опасного деяния малозначительным.

4. Возврат к прошлым, к сегодняшнему дню уже вышедшим из обращения правовым конструкциям также свидетельствует, насколько можно судить, о неспособности государства (хотя здесь не стоит снимать ответственности и с науки!) генерировать новые конструкции. Напомним: реанимация административной преюдиции, возвращение квалифицирующего признака «предшествующая судимость», введение административного надзора, предложения о возврате к наказательному статусу конфискации имущества. Не предпреляя выводов относительно обоснованности и качества этих конструкций, можно, тем не менее, смело утверждать, что они есть плод, взращенный в иных социально-политических и правовых условиях, и уже только поэтому обращение к таким конструкциям в современной практике должно иметь крайне весомые основания, которые профессиональному сообществу не представлены с достаточной степенью убедительности.

5. Подтверждением бессилия государства полноценно реализовать им же самим наме-

⁸ Законопроект № 882041-6 «О внесении дополнений в статью 275 Уголовного кодекса Российской Федерации» внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ депутатами Государственной Думы Н.В. Арефьевым, В.Н. Федоткиным, Н.В. Разворотневым, И.И. Никитчук, Н.И. Сапожниковым.

ценную стратегию уголовно-правового регулирования может служить практика существенной корректировки публично демонстрируемой строгости закона в условиях тайны совещательной комнаты судьи. Установив достаточно высокие санкции в статьях Особенной части УК РФ и тем самым вызвав у населения соответствующие ожидания, государство вместе с тем создало весьма развернутую систему сокращения возможного наказания, используя для этого потенциал уголовного и уголовно-процессуального законов и ориентируясь в данном случае, как представляется, в большей степени не на высокие идеалы гуманизма, а на прозаичные соображения, связанные с обеспечением «пропускной способности» уголовно-исполнительной системы. Как следствие, государство, с одной стороны, демонстрируя обществу свою решимость противостоять преступности, формирует весьма суровую систему уголовно-правовых запретов, а с другой стороны, понимая неспособность и невозможность реализовать ее так, как установлено, создает, что называется, «для внутреннего пользования» систему предписаний, позволяющих минимизировать соответствующие санкции и последствия их применения.

6. Важным и едва ли не общепризнанным можно считать вывод о бессилии государства достигнуть официально провозглашенных целей уголовного наказания: восстановление социальной справедливости, предупреждение преступлений и исправление лица, совершившего преступление. В качестве доказательств здесь можно сослаться не только на известные результаты социально-психологических и социально-криминологических исследований, но и на текущую законотворческую практику, которая выступает косвенным подтверждением такого бессилия. Кратные штрафные санкции и попытка с их помощью пополнить федеральный бюджет, освобождение предпринимателей от ответственности и попытка таким способом стимулировать деловую активность, отказ от однозначной оценки рецидива как обстоятельства, требующего усиления карательного воздействия в целях исправления осужденного, — все это есть не столько образцы широкого социального управления посредством уголовно-правовых мер (что само по себе бессилие), сколько свидетельство бессильной подмены нормативно заявленных целей уголовно-правового регулирования.

Наверное, список форм внешнего проявления бессилия власти в его обращении с уголов-

ным законом можно продолжить. Их детальный анализ еще ждет своего исследования. Но и изложенного, как представляется, достаточно, чтобы понять: бессилие охватывает собой полный цикл уголовно-правового регулирования — от создания нормы до исполнения уголовного наказания. И в этом плане бессильное обращение с уголовным законом может быть охарактеризовано как качественно специфичная, бессильная уголовная политика. Неспособность выработать и реализовать стратегический уголовно-политический курс может, в свою очередь, считаться одним из признаков бессильного государства.

О социальных последствиях бессильной уголовной политики. На данном этапе исследования вполне допустимо определить и спрогнозировать опасные и потому нежелательные последствия использования уголовного закона от бессилия. Среди них:

1. Сокращение границ свободы в обществе. Опасный сам по себе, без дополнительных комментариев, этот факт способен генерировать иные, связанные с ним следствия, в том числе социально-психологического порядка, он же приводит к трансформации принципов правового регулирования в целом и приоритетному использованию методов дозволения и запрета, что подтверждает недемократический статус социума.

2. Возникновение в обществе страха перед уголовным законом (особенно перед несправедливым и непонятным) как оборотная сторона страха перед преступностью. Представляется, что между этими видами социальных фобий много общего, они развиваются по одним законам и приводят к идентичным последствиям. С одной стороны, массированное проникновение уголовного закона во все сферы общественной жизни и высокие санкции порождают страх быть подвергнутым уголовной репрессии за малейшее отступление от «генеральной линии», а с другой стороны, масштабное применение уголовного закона «ко всем и вся абсолютно за все» (кстати, независимо от степени либеральности судебной практики в части назначения меры наказания) вызывает ощущение нормальности ситуации, привыкание к уголовно-правовым рискам. Следствием всего этого выступает подрыв авторитета закона, уважения к нему, а вместе с тем — и авторитета распоряжающегося им государства.

3. Рост объемов формально преступного поведения и использование проблем преступности в качестве существенного аргумента в дискуссии относительно эффективности госу-

дарства; попытки оправдания бессилия государства по-деловому решать социально-экономические проблемы предельной (во многом искусственно раздутой) распространенностью преступности и коррупции. В данном случае нельзя не видеть «замкнутого круга» бессильной политики: неспособность решить вопросы качества жизни адекватными средствами порождает бездумное использование уголовного закона, приводящее к регистрируемому росту преступности, которым оправдывается неспособность решить вопросы качества жизни, и т.д.

Вместо эпилога. Представленные рассуждения, конечно, не претендуют на то, чтобы быть полноценно достоверным описанием текущей уголовно-политической ситуации в стране. Они представляют собой лишь один из возможных ракурсов ее оценки, пусть где-то сознательно, для акцента, утрированной, но все же необходимой для того, чтобы само это описание было всесторонним и объективным. Убеждены, что последовательное развертывание и детальная проверка сформулированных тезисов могут составить предмет весьма познавательного научного анализа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурин Д.В. Генезис права государства на уголовное наказание: проблемы историко-правовой и теоретико-правовой интерпретации / Д.В. Гурин // Библиотека уголовного права и криминологии. — 2013. — № 4 (4). — С. 4–17.
2. Гурин Д.В. Право государства на уголовное наказание: субъективное содержание и формы объективизации / Д.В. Гурин // Библиотека криминалиста. — 2014. — № 6 (17). — С. 32–52.
3. Толпыкин В.Е. Насилие и ненасилие как формы проявления и разрешения социальных противоречий и конфликтов / В.Е. Толпыкин // Философия права. — 2009. — № 6. — С. 7–11.
4. Бабаев М.М. Уголовный закон как источник насилия / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин // Библиотека криминалиста. — 2014. — № 3. — С. 9–23.
5. Миллюков С.Ф. Насилие как средство осуществления уголовной политики / С.Ф. Миллюков // Российский криминологический взгляд. — 2007. — № 4. — С. 107–116.
6. Allen F.A. The habits of legality: criminal justice and the rule of law / F.A. Allen // Journal of Criminal Justice. — 1997. — Vol. 25, № 1. — P. 79–80.
7. Зубкова В.И. Предупредительная роль уголовного наказания / В.И. Зубкова // Международный пенитенциарный журнал. — 2015. — № 2. — С. 50–53.
8. Карпец И.И. Наказание: Социальные, правовые и криминологические проблемы / И.И. Карпец. — М. : Юрид. лит., 1973. — 287 с.
9. Зигмунт О. Отношение к наказанию: опыт Германии / О. Зигмунт // Криминологические основы уголовного права : материалы 10-го Рос. конгр. уголов. права / отв. ред. В.С. Комиссаров. — М. : Юрлитинформ, 2016. — С. 298–300.
10. Бабаев М.М. Уголовное наказание в конфликтологическом контексте / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2015. — № 1 (3). — С. 15–26.
11. Schabas W.A. General principles of criminal law in the international criminal court statute (part III) / W.A. Schabas // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. — 1998. — Vol. 6, № 4. — P. 84–112.
12. Simon R.J. A Comparative Analysis of Capital Punishment: Statutes, Policies, Frequencies, and Public Attitudes the World Over / R.J. Simon, D.A. Blaskovich. — Lanham : Lexington Books, 2002. — 136 p.
13. Stolz B.A. Interest groups and criminal law: the case of federal criminal code revision / B.A. Stolz // Crime & Delinquency. — 1984. — Vol. 30, № 1. — P. 91–106.
14. Бабаев М.М. Проблемы российской уголовной политики / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. — М. : Проспект, 2014. — 296 р.
15. Гилинский Я.И. Социальное насилие: теория и российская реальность / Я.И. Гилинский // Российский криминологический взгляд. — 2008. — № 2. — С. 224–235.
16. Жалинский А.Э. Модели уголовного права: социальный контроль, доверие, принуждение / А.Э. Жалинский // Право и политика. — 2012. — № 4. — С. 624–629.
17. Жалинский А.Э. Правотворчество и лоббизм в современной России: По следам интеллектуального штурма / А.Э. Жалинский, В.В. Чистяков, Е.В. Ястребова // Бизнес в законе. — 2013. — № 5. — С. 9–11.
18. Morgan J. Provocation Law and Facts: dead women tell no tales, tales are told about them / J. Morgan // Melbourne University Law Review. — 1997. — Vol. 21. — P. 237–276.
19. Иванов Н.Г. Эссе о социальных основаниях уголовного права и уголовного закона / Н.Г. Иванов // Российский криминологический взгляд. — 2012. — № 3. — С. 183–187.
20. Жестеров П.В. Некоторые проблемы применения уголовной репрессии в современном мире / П.В. Жестеров // Общество и право. — 2010. — № 5. — С. 84–86.
21. Жестеров П.В. Уголовная репрессия как научная категория в отечественных историко-правовых исследованиях / П.В. Жестеров // Российский судья. — 2016. — № 1. — С. 31–35.
22. Панченко П.Н. Власть как уголовная политика и уголовная политика как власть / П.Н. Панченко // Аграрное и земельное право. — 2012. — № 2. — С. 93–100.

REFERENCES

1. Gurin D.V. The genesis of the state's right to criminal punishment: problems of legal historical and theoretical interpretation. *Biblioteka ugovornogo prava i kriminologii = A Library of Criminal Law and Criminology*, 2013, no. 4 (4), pp. 4–17. (In Russian).

2. Gurin D.V. Right of the state to criminal punishment: subjective content and objectivisation forms. *Biblioteka kriminalista = Criminalist's Library*, 2014, no. 6 (17), pp. 32–52. (In Russian).
3. Tolpykin V.E. Violence and non-violence as the forms of manifestation and resolution of social contradictions and conflicts. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2009, no. 6, pp. 7–11. (In Russian).
4. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Criminal statute as a source of violence. *Biblioteka kriminalista = Criminalist's Library*, 2014, no. 3, pp. 9–23. (In Russian).
5. Milyukov S.F. Violence as a means of criminal policy implementation. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad = Russian Criminological Outlook*, 2007, no. 4, pp. 107–116. (In Russian).
6. Allen F.A. The habits of legality: criminal justice and the rule of law. *Journal of Criminal Justice*, 1997, vol. 25, no. 1, pp. 79–80.
7. Zubkova V.I. Preventive role of criminal punishment. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal = International Penitentiary Journal*, 2015, no. 2, pp. 50–53. (In Russian).
8. Karpets I.I. *Nakazanie: Sotsial'nye, pravovye i kriminologicheskie problemy* [Punishment: social, legal and criminological issues]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1973. 287 p.
9. Zigmunt O. Attitude to punishment: German experience. In Komissarov V.S. (ed.). *Kriminologicheskie osnovy ugolovnogo prava. Materialy 10-go Rossiiskogo kongressa ugolovnogo prava* [Criminological Basis of Criminal Law. Materials of the 10th Russian Congress of Criminal Law]. Moscow, YurLitinform Publ., 2016, pp. 298–300. (In Russian).
10. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Criminal penalty in the context of conflict resolution. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Vestnik of the Law Faculty of Southern Federal University*, 2015, no. 1 (3), pp. 15–26. (In Russian).
11. Schabas W.A. General principles of criminal law in the international criminal court statute (part III). *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, 1998, vol. 6, no. 4, pp. 84–112.
12. Simon R.J., Blaskovich D.A. *A Comparative Analysis of Capital Punishment: Statutes, Policies, Frequencies, and Public Attitudes the World Over*. Lanham, Lexington Books, 2002. 136 p.
13. Stolz B.A. Interest groups and criminal law: the case of federal criminal code revision. *Crime & Delinquency*, 1984, vol. 30, no. 1, pp. 91–106.
14. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. *Problemy rossiiskoi ugolovnoi politiki* [Problems of Russian Criminal Policy]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 296 p.
15. Gilinskii Ya.I. Social violence: theory and Russian reality. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad = Russian Criminological Outlook*, 2008, no. 2, pp. 224–235. (In Russian).
16. Zhalinskii A.E. Models of criminal law: social control, trust, compulsion. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2012, no. 4, pp. 624–629. (In Russian).
17. Zhalinskii A.E., Chistyakov V.V., Yastrebova E.V. Law-making and lobbying in modern Russia: On the trail of intellectual assault. *Biznes v zakone = Business in law*, 2013, no. 5, pp. 9–11. (In Russian).
18. Morgan J. Provocation Law and Facts: dead women tell no tales, tales are told about them. *Melbourne University Law Review*, 1997, vol. 21, pp. 237–276.
19. Ivanov N.G. Essay on social bases of criminal law and criminal eligibility. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad = Russian Criminological Outlook*, 2012, no. 3, pp. 183–187. (In Russian).
20. Zhesterov P.V. Some issues of using criminal repressions in contemporary world. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2010, no. 5, pp. 84–86. (In Russian).
21. Zhesterov P.V. The criminal reprisal as a scientific category in Russian historical and legal researches. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2016, no. 1, pp. 31–35. (In Russian).
22. Panchenko P.N. Power as criminal policy and criminal policy for power. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*, 2012, no. 2, pp. 93–100. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабаев Михаил Матвеевич — главный научный сотрудник отдела уголовно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: babaevmm@yandex.ru.

Пудовочкин Юрий Евгеньевич — заведующий отделом уголовно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: 11081975@list.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бабаев М.М. Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 3. — С. 419–430. — DOI : 10.17150/2500-4255.2016.10(3).419-430.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Babaev, Mikhail M. — Senior Researcher, Criminal Law Research Division, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation; e-mail: babaevmm@yandex.ru.

Pudovochkin, Yuriy Ye. — Head, Criminal Law Research Division, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: 11081975@list.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Babaev M.M., Pudovochkin Yu.Ye. Repressive solutions of social problems: causes and consequences. *Vse-rossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 3, pp. 419–430. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(3).419-430. (In Russian).